

Научная статья
УДК 394.9, 613.87
doi: 10.17223/2312461X/40/3

Коронафобия, инфодемия и фейки во время COVID-19

Валентина Николаевна Буркова¹,
Марина Львовна Бутовская²

^{1, 2} *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

¹ *burkovav@gmail.com*
² *marina.butovskaya@gmail.com*

Аннотация. Вспышка COVID-19 принесла много неясности и страха в жизнь людей по всей планете. Во многих странах на основе боязни заражения новым вирусом и неопределенности последствий инфицирования, множества фейков и отсутствия достоверной информации, недоверия к правительству или принимаемым мерам уровень тревожности сильно повысился. В статье представлен обзор исследований, посвященных сопутствующей распространению COVID-19 инфодемии и коронафобии, с привлечением собственных полевых данных по разным странам. Нарастание страха и паники, движимых предубеждениями или ошибочной информацией, спровоцировало дискриминацию и стигматизацию болезни, а также привело к препятствиям в реализации политики быстрого реагирования со стороны органов здравоохранения и социальной политики. Ученые пытаются противостоять этому наплыву дезинформации, связанной с пандемией COVID-19. Подготовка людей к дезинформации и предоставление им точной информации и контраргументов против ложных сообщений до того, как они столкнутся с теориями заговора и фальшивыми новостями, может помочь справиться с фобиями и страхами и сохранить психическое здоровье.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, тревожность, инфодемия, коронафобия, фейки

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Для цитирования: Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Коронафобия, инфодемия и фейки во время COVID-19 // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 55–75. doi: 10.17223/2312461X/40/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/40/3

Coronaphobia, infodemic and fakes during COVID-19

Valentina Nikolaevna Burkova¹, Marina Lvovna Butovskaya²

^{1,2} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation*

¹ *burkovav@gmail.com*

² *marina.butovskaya@gmail.com*

Abstract. The COVID-19 outbreak has brought a lot of uncertainty and fear into the lives of people around the world. In many countries the level of anxiety has increased greatly, based on the fear of contracting a new virus and the uncertainty of the consequences of infection, the many fakes and the lack of reliable information, distrust of the government or the measures taken. This article provides an overview of studies on the infodemic and coronaphobia associated with the spread of COVID-19, using our own data from different countries. An increase in fear and panic driven by prejudice or misinformation has provoked discrimination and stigmatization of the disease, as well as led to obstacles to the implementation of rapid response policies by health authorities and social policy. Scientists are trying to counter this influx of misinformation related to the COVID-19 pandemic. Preparing people for disinformation and providing them with accurate information and counterarguments against false reports before they are exposed to conspiracy theories, fake news, or other forms of disinformation can help manage phobias and fears and maintain mental health.

Keywords: COVID-19, pandemic, anxiety, infodemic, coronaphobia, fakes

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

For citation: Burkova, V.N. & Butovskaya, M.L. (2023) Coronaphobia, infodemic and fakes during COVID-19. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 55–75. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/3

Введение

Вспышка COVID-19 принесла много неясности и страха в жизнь людей по всей планете. Во многих странах из-за боязни заражения новым вирусом и неопределенности последствий инфицирования, множества фейков и отсутствия достоверной информации, недоверия к правительству или принимаемым мерам уровень тревожности сильно повысился. Систематический обзор и метаанализ исследований страха из-за пандемии COVID-19 по 44 изученным статьям с общей выборкой 52 462 человека показал, что средний уровень страха перед COVID-19 во всем мире был крайне высок (Luo et al. 2021).

На фоне пандемии во многих странах вырос уровень недоверия к государственным системам здравоохранения. Так, в исследовании

1354 взрослых канадцев, проведенном в начале февраля 2020 г., 33% участников не были уверены, что система здравоохранения в их регионе готова справиться с новыми случаями коронавируса¹. Схожие данные были показаны и во время предыдущих эпидемий и пандемий (Taylor 2019). Около четверти (26%) респондентов из опроса 808 взрослых жителей США, проведенного с 31 января по 1 февраля 2020 г., считали, что правительство США делает недостаточно для предотвращения распространения инфекции². Уровень доверия к власти как в России, так и за рубежом являлся значимым предиктором того, насколько люди готовы и сознательны в исполнении предписаний на фоне коронавирусной пандемии (Феденок, Буркова 2020; Burkova et al. 2022). В нашей недавней работе, проведенной среди респондентов из 23 стран мира, было показано, что высокий уровень тревожности достоверно коррелировал с высоким уровнем личной осведомленности об угрозе COVID-19 для большинства исследованных стран (Burkova et al. 2022). Предыдущие исследования влияния эпидемий на психологическое здоровье также показывали, что боязнь инфекции является хорошим предиктором повышенного стресса (Brooks et al. 2020; Luo et al. 2021). Например, в Иордании страх перед вспышкой COVID-19 коррелировал с количеством загруженных приложений для отслеживания случаев заболевания, и многие респонденты упомянули, что они очень боялись вируса COVID-19 и чувствовали себя некомфортно, думая об этом или просматривая новости и истории, связанные с пандемией, в социальных сетях (Abuhammad, Alzoubi, Khabour 2021).

В определенный момент на фоне повышенной тревожности проявилась настоящая коронафобия. Фобия – это тревожное расстройство, определяемое постоянным, экстремальным и нереалистичным страхом перед человеком, деятельностью, животным или ситуацией. Фобия удерживает людей от факторов, вызывающих страх, однако, когда такое избегание невозможно, это вызывает беспокойство и дистресс (Agora et al. 2020). В случае коронафобии люди могут проявлять преувеличенный страх и ненормальное поведение из-за чрезмерного внимания к пандемии COVID-19 и способам защиты от вируса.

Исследования психологических реакций на предыдущие эпидемии и пандемии показывают, что различные факторы психологической уязвимости могут играть большую роль в развитии коронафобии, включая переменные индивидуальных различий, такие как склонность к тревоге (беспокойству), нетерпимость к неопределенности, предполагаемая уязвимость к болезням (Taylor 2019). Кроме того, недостаток информации и дезинформация, часто подкрепленные сенсационными заголовками в средствах массовой информации, подпитывают страхи и фобии, связанные со здоровьем (Taylor, Asmundson 2004; Asmundson, Taylor 2020). Нарастание страха и паники на фоне коронавирусной пандемии,

движимой предубеждениями или ошибочной информацией, спровоцировало дискриминацию и стигматизацию болезни и также привело к препятствиям в реализации политики быстрого реагирования должностных лиц здравоохранения и политики (Shigemura et al. 2020). Более ранние исследования показывали, что во время вспышек сыпного тифа и холеры среди еврейских иммигрантов из России, бубонной чумы в общине Чайна-таун, хантавирусной инфекции среди коренных американцев, вспышек тяжелого острого респираторного синдрома среди китайского населения отчетливо проявилась стигматизация и дискриминация в отношении определенных этнических групп (Person et al. 2004; Patel, Kute, Agarwal 2020). Страх и стигматизация болезни обычно идут рука об руку – страх подгоняет к ненависти и травле определенной группы населения, которая может быть связана с расой, регионом, происхождением или даже страной, где началось заболевание, и может распространиться за пределы страны и даже континента (Person et al. 2004; Patel et al. 2020). Более того, сами эти подгруппы, на которые направлена дискриминация, подвергаются еще большей опасности ненависти и стигматизации, вплоть до того, что они начинают избегать проходить обследование и лечение (Person et al. 2004; Feyissa et al. 2019).

Учитывая, что COVID-19 является новым заболеванием и имеет высокую скорость передачи, коронафобия также распространяется интенсивно. Ранее сообщалось, что чем более распространенными становятся инфекции в обществе, тем более распространенными, вероятно, будут фобии (Asmundson, Taylor 2020). Коронафобия включает в себя социально-профессиональную и личную сферы, а общая тревожность в свою очередь воздействует на личность и общество (Agora et al. 2020). С повышением тревожности нарастают и другие виды психологических реакций, включая посттравматический стресс, зачастую наблюдаемый сразу после болезни и в более долгосрочной перспективе (Буркова, Бутовская, Ермаков 2023).

Хотя природу и влияние COVID-19 на психическое здоровье еще предстоит определить, в существующей научной литературе накоплено значительное количество исследований, которые могут помочь нам понять, чего ожидать. Последние данные свидетельствуют о том, что точное восприятие опасности со стороны общества имеет решающее значение для эффективного управления рисками для здоровья населения (Dryhurst et al. 2020). Фактор осознания реальной опасности пандемии связан с другими значимыми факторами, например, с доверием к официальным источникам (правительство, официальные СМИ, законы и ограничения), с реакцией на принимаемые меры и личным опытом столкновения с COVID-19.

Инфодемия в мире

В феврале 2020 г. на Мюнхенской конференции³ представители Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) назвали наплыв недостоверной и избыточной информации о вирусе инфодемией и призвали всех бороться с ней (Архипова и др. 2020; Zarocostas 2020). В целом под данным понятием подразумевалась любая ложная информация, противоречащая официально подтвержденным или научным данным⁴. Такая неконтролируемая информация может быть опасной, так как из-за нее усложняется политика, реализуемая для борьбы с пандемией. Таким образом, важным фактором в нынешней пандемии является предоставление достоверной информации из надежных источников. Однако, несмотря на очевидный отрицательный эффект, передача и распространение подобных фейков и слухов может выполнять и психотерапевтическую функцию, возвращая людям утраченное чувство контроля над ситуацией.

В попытке сдержать пандемию ВОЗ и другие национальные органы здравоохранения рекомендовали изолировать уже заболевших людей, помещать в карантин тех, кто был в контакте, отменять поездки и т.д. Все эти меры сдерживали и помогали контролировать распространение заболевания, но также вызывали страх, дискриминацию и подозрительное поведение среди людей. Это также привело к развитию не только навязчивых идей и множественных соматических жалоб, но и к возникновению бессонницы, вялости, потери концентрации, гнева и депрессии (Person et al. 2004; Feyissa et al. 2019; Patel et al. 2020). Кроме того, наблюдалась агрессивная реакция населения, например, жители сел не пускали в свои деревни горожан, полагая, что коронавирус – это «городская зараза, которая не должна проникать в сельскую местность» (Dore 2020; The Lancet 2020). Отдельные лица и группы могли спроецировать опасность заражения и смерти на «другого», дабы уменьшить собственную тревогу и ощущение бессилия, испытываемые во время эпидемий (Crawford 1994; Joffe 1999; Крюкова, Адам 2022).

Большое значение в распространении инфодемии и стигматизации играют различные СМИ и социальные сети. Они используют знакомые символы и упрощают научную трактовку, делают абстрактный риск новых инфекций реальным, по сути, обвиняя заболевших в том, что они подвергают риску других (Eichelberger 2007; Крюкова, Адам 2022). Дискриминация и расизм в определенный момент достигли пика в отношении лиц азиатского происхождения после сообщений в социальных сетях, обвиняющих страну в использовании вируса в качестве биологического оружия, что породило множество теорий и заговоров⁵ (Dore 2020). В Великобритании группа психологов провела опрос в апреле 2020 г. (2 501 респондент), согласно которому сторонники кон-

спирологических теорий не только не доверяют правительству, но и отказываются от мер предосторожности – масок, карантина, социальной дистанции и будущей вакцинации (Архипова и др. 2020; Freeman et al. 2020). Фальшивые новости о COVID-19 представляют собой очень серьезную проблему, так как могут заставить людей принимать крайние меры, полагая, что новости правдивы. Например, фейковые новости («Алкоголь – лекарство от COVID-19») привели к множеству смертей и госпитализаций в Иране⁶.

Ученые пытаются противостоять наплыву дезинформации, связанной с пандемией COVID-19. Так, одна группа исследователей создала многоязычный междоменный набор данных из 5 182 проверенных новостных статей о COVID-19 (Shahi, Nandini 2020). Другая команда предложила модель с дополнительными данными, извлеченными из Twitter, для выявления поддельных твитов, связанных с COVID-19 (Kar et al. 2020). Третья группа исследователей разработала автоматизированный конвейер для обнаружения фальшивых новостей о COVID-19 с использованием алгоритмов проверки фактов и текстов (Vijjali et al. 2020). Четвертая описала и опубликовала набор данных для обнаружения фейковых новостей, содержащий 10 700 фальшивых и реальных новостей, связанных с COVID-19 (Patwa et al. 2021). В одном из последних кросс-культурных исследований по изучению степени использования социальных сетей в качестве источника информации о COVID-19 и его связи с последствиями, вызванными пандемией, показана ассоциация с использованием социальных сетей и симптомами стресса (Brailovskaia et al. 2022). Из общего числа (8 302) участников (Франция, Германия, Польша, Россия, Испания, Швеция, Великобритания, США) 48,1% часто использовали социальные сети в качестве источника информации о COVID-19 (диапазон: от 31,8% в Германии до 65,4% в Польше). Данные результаты еще раз подчеркнули, что имеется значимая связь между использованием соцсетей в качестве источника информации, индивидуальным эмоциональным состоянием и поведением во время пандемии, а также указали на важность сознательного и точного использования источников информации во время вспышки COVID-19 (Brailovskaia et al. 2022).

Анализ наших данных во время первой волны коронавируса в России и в мире с участием 23 стран мира показал, что наиболее «недоверчивыми» в отношении опасности коронавируса являлась Беларусь (67% ответивших указали, что считают ситуацию с COVID-19 фейком), далее следовала Иордания (37%, соответственно), Венгрия (19%) и Россия (18%) (рис. 1). При этом в ответах на вопрос относительно доверия к официальной информации в случае Беларуси мы получили перевернутый результат – 79% ответивших доверяли официальной информации относительно коронавируса, далее следовала Венгрия (65%) и Россия (61%) (рис. 2). Таким образом, ситуация с восприятием официаль-

ной информации и веры в «фейковость» коронавирусной инфекции показывала зеркальную ситуацию. По всей видимости, те, кто верит в реальную угрозу COVID-19, больше доверяют официальным источникам, соответственно, в рядах недоверяющих предпринимаемым на государственном уровне мерам находятся те, кто считает, что коронавирус – это фейк. Отдельно стоит отметить общий высокий уровень недоверия официальной информации во всех странах (рис. 2).

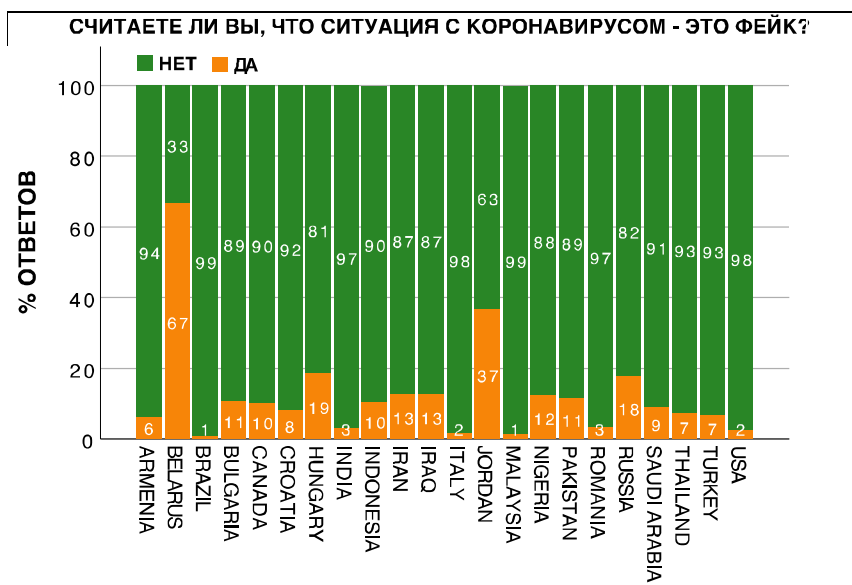

Рис. 1. Восприятие реальности угрозы коронавируса в 23 странах

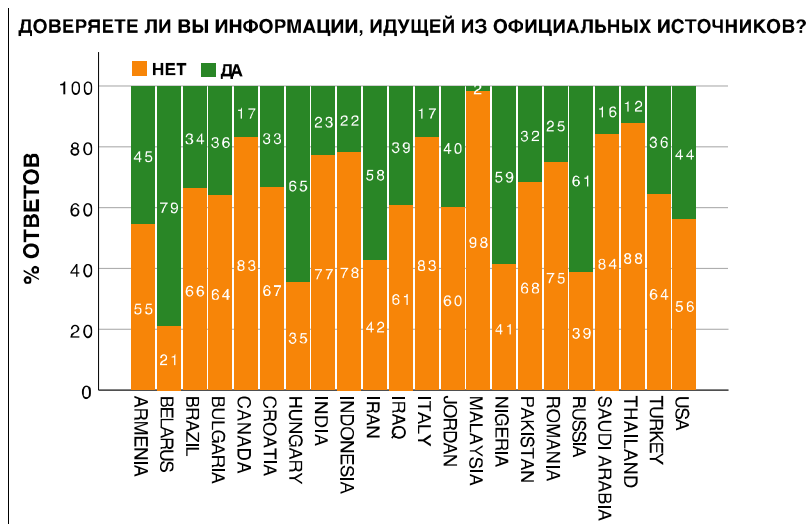

Рис. 2. Уровень доверия официальной информации в 23 странах

Данный фактор (доверие к власти и принимаемым мерам) непосредственно влияет на их исполнение – при наличии доверия люди лучше осведомлены о предписанной дистанции общения и сами ее придерживаются при коммуникации с другими людьми, т.е. фактически исполняют предписания (Феденок, Буркова 2020). В одном из исследований российских социологов было показано, что россияне, столкнувшись с новой угрозой, предпочитают рассчитывать на себя (40%) или на коллективную ответственность (37%), которая может уберечь от заражения, тогда как на государство в борьбе с пандемией надеются только 9% опрошенных, а на медицину – 12% (данные на 27–29 марта 2020 г.) (Архипова и др. 2020; Степанцов, Вилейкис 2020). В середине апреля 2020 г. в другом исследовании было показано, что 29% опрошенных считают, что реальное количество заболевших и сложность ситуации занижаются, а 27%, наоборот, считают, что ситуация сильно нагнетается и представляется хуже, чем есть. Однако и те и другие респонденты уверены, что официальной информации доверять нельзя (Архипова и др. 2020; Макушева, Орлова и др. 2020). Опросы показывают, что доверие к официальным институтам власти в течение марта и апреля упало у 61% россиян (Макушева, Нестик и др. 2020).

Согласно кросс-культурным данным, полученным в Бразилии, Колумбии, Германии, Израиле, Норвегии и США, более обеспокоенные и находящиеся в состоянии стресса люди меньше доверяли властям и выражали сильный пессимизм в отношении способности правительства контролировать вспышку (Mækelæ et al. 2020). Наше кросс-культурное исследование, проведенное в 23 странах мира, показало, что уровень тревожности на фоне COVID-19 имеет более высокие оценки в странах с низким уровнем дистанции от власти, например в Канаде и Италии (Burkova et al., 2021, 2022). По всей видимости, в категорию уровня доверия официальным источникам, в частности уровня доверия правительству и власти в целом, входит данное измерение (дистанция к власти как степень, в которой менее влиятельные члены организаций и институтов (таких как семья) принимают и ожидают, что власть распределяется неравномерно; это представляет собой неравенство (большее против меньшего), но определяемое снизу, а не сверху) (Hofstede 2011).

Инфодемия в России

В 2020 г. группа российских ученых в составе научной группы «Мониторинг актуального фольклора» изучали в России особенности инфодемии – волны слухов, псевдомедицинских советов, конспирологии и отрицания опасности, связанных с эпидемией COVID-19 в России (Архипова и др. 2020). На основе материала, отобранного с помощью сервиса «Медialogия» из российских социальных сетей, и случаев уго-

ловного и административного преследования граждан за распространение «недостоверной информации» (слухов) о самом коронавирусе и мерах борьбы с ним, было описано, как «устроена» инфодемия, какие сюжеты наиболее популярны и почему; что влияет на появление «волн» инфодемии; какие тексты из циркулирующих по неформальным каналам коммуникации опасны в медицинском смысле, а какие признаны «опасными» в судах. Всего с 1 февраля по 11 августа 2020 г. было найдено 167 микросюжетов, которые делились на восемь тематических групп: 1) 33% составляла группа «Реальной опасности нет, власти используют коронавирус в своих интересах» (например, посты о том, что врачи фальсифицируют диагноз «коронавирус», чтобы получить выплаты, а изобретение вакцины от несуществующей болезни – это манипуляция ВОЗ для получения денег); 2) 31% сообщений составляли псевдомедицинские советы и народные рецепты лечения от нового вируса; 3) 12% – истории о том, что коронавирус создан внешними врагами как биологическое оружие; 4) 10% – нарративы о вакцинах, тестах, масках как способе чипирования или убийства; 5) 7% – группа сообщений о распространении вируса через продукты, вещи, сотовую связь, в том числе в результате их намеренного заражения врагами; 6) 4% – власти скрывают реальную информацию об эпидемии и ее последствиях; 7) 2% – представители власти манипулируют информацией об эпидемии и ее последствиях; 8) 1% – слухи о вредительских действиях мошенников и мигрантов во время пандемии (Архипова и др., 2020). Распространителями слухов, сообщений и фейковых новостей в социальных сетях чаще становились женщины (63% женщин против 37% мужчин в исследованных данных), при этом 43% респондентов были в возрасте от 40 до 60 лет, из указавших образование «авторов» инфодемических сообщений 73% имели высшее образование. Распространение инфодемии по России также было неравномерным, и наибольшее количество таких сообщений наблюдалось в двух крупнейших городах – Москве и Санкт-Петербурге (Архипова и др. 2020). Интересно, что лавинообразный скачок слухов пришелся на период неопределенности (конец февраля – март 2020 г.), а не на время, когда заболеваемость в России начала быстро расти и больницы были переполнены (максимальное число заражений в день пришлось на 10 мая 2020 г.). Другие исследователи отмечают, что взлет и пик информационной активности связаны с объявлением 25 марта нерабочим днем, а также с введением режима самоизоляции для москвичей 30 марта 2020 г. (Крюкова, Адам 2022).

Наши данные по России, полученные в течение трех волн пандемии коронавируса, совпадающие с датировками, установленными Роспотребнадзором, показали, что восприятие угрозы и опасности COVID-19 также меняется: если во время первого карантина и ограничений вес-

ной 2020 г. 17,87% респондентов в России считали, что коронавирус – это фейк, ко второй волне (осень–зима 2020 г.) данная цифра уменьшилась вдвое, до 7,22%, к третьей волне (весна 2021 года) немного выросла – до 9,63%. При этом по мере приобретения коронавирусного опыта ко второй волне существенно увеличилось количество тех, кто считает пандемию COVID-19 реальной угрозой (от 82,13% во время первой волны к 92,78% респондентов ко второй) (рис. 3).

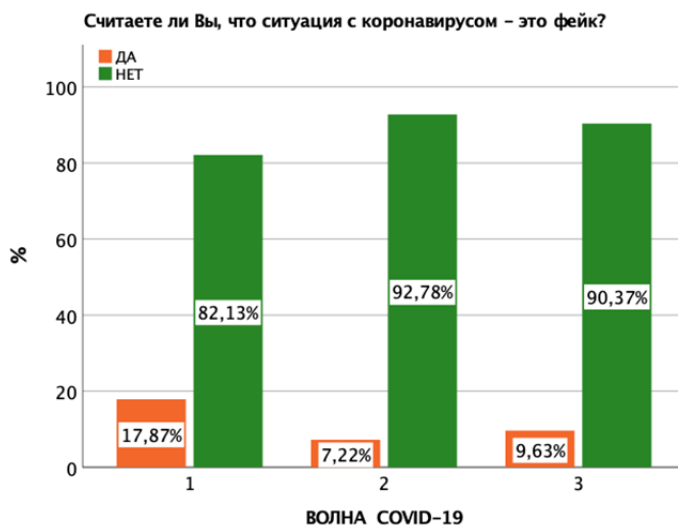

Рис. 3. Восприятие реальности угрозы коронавируса в России в течение трех волн COVID-19

Не прошло стороной российское общество и возрастание уровня стигматизации определенных слоев населения, которых наделяли качествами распространителей нового вируса. Так, в работе Н.В. Крюковой и Ю.И. Адам было показано, что одной из таких групп стал собирательный образ москвичей (Крюкова, Адам 2022). Взрыв возмущения и раздражения и, как следствие, развитие дискурса очуждения Москвы и «москвичей» вызвали решения о закрытии города на въезд и одновременно разрешение на выезд (Крюкова, Адам 2022) (рис. 4).

В нашем недавнем исследовании в 23 странах, высокий уровень тревожности достоверно коррелировал с низким уровнем личностной реакции на официально предпринимаемые меры и отношения к иностранцам (те, кто имел более высокие оценки тревожности, были более враждебно и подозрительно настроены по отношению к иностранцам) (Burkova et al. 2022). Такая реакция наблюдалась в том числе и в России, что возможно интерпретировать с точки зрения высокого уровня дистанции власти в РФ, с одной стороны, и пространственной близости к Китаю и общей границы – с другой.

жительную связь между освещением пандемии в СМИ и предубеждением против четырех иностранных гражданств (Sorokowski et al. 2020). Такая же ярко выраженная негативная реакция наблюдалась в отношении итальянцев в Европе, т.е. в стране, которая на момент исследования боролась с самой сильной вспышкой COVID-19 (Sorokowski et al. 2020).

Вслед за такими странами, как Бангладеш, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Шри-Ланка, Россия ввела юридическую ответственность за распространение недостоверной информации и создала Коммуникативный центр при Правительстве РФ, одной из задач которого являлась борьба с недостоверной информацией и фейками⁷; в марте 2020 г. при Следственном комитете РФ была создана специальная группа, в чьи обязанности входило выявление распространения недостоверной информации в социальных сетях (Архипова и др. 2020). Наиболее преследуемыми были сообщения о том, что власти скрывают истинный размер заболеваемости. При этом с увеличением количества наказаний уровень инфодемии снижался, в том числе благодаря уходу фейков и сообщений в анонимное поле.

Однако по мере внедрения вакцинации против COVID-19 на территории России произошел новый всплеск инфодемии и противостояния в обществе. «Ситуация, при которой примерно половина населения страны выступает за прививки от коронавируса, а вторая – против, привела к возникновению „холодной гражданской войны“» (Архипова 2021: 97). Традиционные антиваксеры вступили в новую борьбу, отстаивая свою точку зрения по поводу нового вируса. Справедливости ради стоит сказать, что подобные тенденции наблюдались и в западных странах (Germani, Biller-Andorno 2021). Страх перед вакцинацией связан как с искренней верой в опасность вакцины, так и с опасениями «перестраховщиков» (люди, которые плохо понимают, как устроены вакцины, и переживают, как прививки повлияют на состояние их здоровья и иммунитета) и недоверием к производителям вакцин (в целом связанным с недоверием к российской медицине и действиям правительства) (Архипова 2021), что снова возвращает нас к глобальной проблеме зависимости эффективности принимаемых профилактических мер от уровня доверия к органам здравоохранения (в частности) и государственной власти (в целом).

Заключение

Всестороннее внимание было уделено тому, готовы ли системы здравоохранения во всем мире справиться с большим количеством заболевших коронавирусной инфекцией. Однако совсем не обсуждалось, готовы ли они к серьезному наплыву пациентов с псевдосимптомами, в том числе вызванными не коронавирусом, а коронафобией.

Предоставление людям точной информации и контраргументов против ложной информации до того, как они столкнутся с теориями заговора, фальшивыми новостями или другими формами дезинформации, могут помочь им «привиться» от ложных сообщений (van Bavel et al. 2020). Исследования показывают, что развитие аналитических навыков и наличие инструментов для самостоятельного анализа текста способны замедлять распространение фейковых новостей среди населения (Nygren, Guath 2018; Pennycook et al. 2020; Архипова и др. 2020). Важно мотивировать людей к профилактическим мерам, таким как мытье рук, использование масок и социальное дистанцирование в общественных местах, с помощью образовательных и просветительских кампаний. Для борьбы с инфодемией COVID-19 ВОЗ запустила информационную платформу под названием «Информационная сеть ВОЗ по эпидемиям» (Information Network for Epidemics – EPI-WIN), которая предоставляет советы и рекомендации различным специалистам, а также разнообразную информацию (Zarocostas 2020).

Самым эффективным методом предотвращения вирусных пандемий являются вакцины (Rémy et al. 2015; Şahin, Demir 2020; Turan et al. 2022). Вакцина против COVID-19 – это медицинский препарат, который вводится с целью приобретения иммунитета против данного заболевания. К середине декабря 2020 г. сообщалось о 57 вакцинах-кандидатах против COVID-19⁸. В декабре 2020 г. Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США объявило, что оно дало разрешение на экстренное использование вакцины Pfizer/BioNTech COVID-19 и вакцины Moderna COVID-19⁹. Во многих странах было дано разрешение на использование вакцины CoronaVac/Sinovac COVID-19, AstraZeneca и Janssen. В России во время пандемии коронавируса были разработаны четыре вакцины¹⁰: Гам-КОВИД-Вак (торговая марка «Спутник V», разработана Национальным исследовательским центром эпидемиологии и микробиологии имени Н.Ф. Гамалеи Минздрава России); ЭпиВакКорона – вакцина на основе пептидных антигенов для профилактики COVID-19 (разработана ФБУН ГНЦ ВБ «Вектор» Роспотребнадзора); КовиВак (разработана Федеральным научным центром исследований и разработки иммунологических препаратов им. М.П. Чумакова РАН); «Конвасэл» (разработана Санкт-Петербургским научно-исследовательским институтом вакцин и сывороток и предприятием по производству бактериальных препаратов ФМБА России). Кроме того, в России получено разрешение Минздрава РФ на участие в масштабном международном исследовании III фазы по оценке эффективности и иммуногенности китайской вакцины Ad5-nCoV (CanSino Biologics Inc., Китай)¹¹. Для контроля COVID-19 порог общего иммунитета должен составлять от 50 до 67% (Omer, Yildirim, Forman 2020). Кроме того, эффективность вакцин зависит от

таких факторов, как возможность распределения и доставки вакцины в очаги пандемии и готовность населения принять вакцину (Şahin, Demir 2020; Turan et al. 2022).

В своей антиковидной кампании активисты против вакцинации полностью отвергают существование COVID-19 и выступают против вакцинации. Дезинформация в социальных сетях (например, неверные сведения о скорости разработки вакцины или ее действенности) также оказывает существенное негативное влияние на отношение к вакцине против COVID-19 (Cornwall 2020). Все это только усиливает беспокойство среди населения и оказывает негативное влияние на психическое здоровье общества, усиливая существующий пандемический кризис. Однако по мере усиления коронафобии растет и положительное отношение к вакцине против COVID-19 (Turan et al. 2022).

С другой стороны, страх и тревога на фоне пандемии усиливают положительное отношение к вакцине. Современные исследования все же показывают, что, несмотря на огромное количество недостоверной информации, положительное отношение людей к вакцине в большинстве западных стран колеблется в пределах 59–75% (Lazarus et al. 2020; Turan et al. 2022). В одном из глобальных опросов Всемирного экономического форума, в котором приняли участие около 20 000 взрослых из 27 стран, 74% участников заявили, что они получают вакцину против COVID-19, когда она будет доступна (Dai 2020). Однако Россия по готовности прививаться будущей вакциной, согласно опросу в июне 2020 г. оказалась лидером по количеству не желающих вакцинироваться (Lazarus et al. 2021). Наши данные, собранные в России в мае–июне 2021 г., показывали, что 17,61% опрошенных относятся негативно к проходящей в стране вакцинации, 19,68% – скорее негативно, чем позитивно, 28,53% не смогли определиться, 18,16% относятся скорее позитивно, и 16,03% – однозначно позитивно. При этом 18,27% из этих респондентов уже вакцинировались и 14,69% собирались это сделать в ближайшее время, тогда как 29,94% сказали, что вакцинироваться не собираются, а 37,11% – обдумывают это решение и не определились. Таким образом, количество отрицательных ответов на момент проведения исследования было больше, чем положительно настроенных по отношению к вакцинации. На 10 ноября 2022 г. в России 74,1% взрослого населения было привито хотя бы одним компонентом вакцины, 67,2% привито полностью¹².

Поскольку пандемия COVID-19 до сих пор не контролируется полностью и на сегодняшний день нет абсолютно эффективной вакцинации, важно выявлять фобию COVID-19, чтобы оказывать своевременную психологическую поддержку лицам с более высоким уровнем коронафобии и предотвращать более сложные психические расстройства.

Примечания

- ¹ Angus Reid Institute (2020). Half of Canadians taking extra precautions as coronavirus continues to spread around the globe. Retrieved February 6, 2020. URL: http://angusreid.org/wp-content/uploads/2020/02/2020.02.04_Coronavirus.pdf (date of application: 20.02.2022).
- ² National Public Radio (2020). Poll: Most Americans say U. S. “doing enough” to prevent coronavirus spread. Retrieved February 6, 2020. URL: <https://www.npr.org/sections/health-shots/2020/02/04/802387025/poll-most-americans-say-u-s-doing-enough-to-prevent-coronavirus-spread> (date of application: 20.02.2022).
- ³ URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/munich-security-conference>
- ⁴ The Wall Street Journal: ‘Infodemic’ When Unreliable Information Spreads Far and Wide. URL: <https://www.wsj.com/articles/infodemic-when-unreliable-information-spreads-far-and-wide-11583430244> (date of application: 12.05.2020).
- ⁵ Global Opinions. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/03/17/us-china-coronavirus-blame-game-conspiracies-are-getting-dangerous/> (date of application: 12.05.2022).
- ⁶ Karimi N., Gambrell J. Hundreds die of poisoning in Iran as fake news suggests methanol cure for virus // Times of Israel. 2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/hundreds-die-of-poisoning-in-iran-as-fake-news-suggests-methanol-cure-for-virus/> (date of application: 12.05.2022).
- ⁷ Правительство создало центр по борьбе с фейками о коронавирусе // Коммерсантъ. 2020. 30 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4308770> (дата обращения: 18.11.2020).
- ⁸ CDC. Coronavirus disease 2019 (COVID-19). February 11. Centers for disease control and prevention; 2020.
- ⁹ U. S. Food and Drug Administration. 2020.
- ¹⁰ URL: <https://вакцина.стопкоронавирус.рф>.
- ¹¹ URL: <https://вакцина.стопкоронавирус.рф/ad5-ncov.html>.
- ¹² URL: <https://gogov.ru/articles/covid-v-stats>.

Список источников

- Архипова А.С. Берегись покемонов: символическое сопротивление новой медицинской реальности в российских социальных сетях // Неприкосновенный запас. 2021. № 06 (140). С. 97–125.
- Архипова А.С., Радченко Д.А., Козлова И.В., Пейгин Б.С., Гаврилова М.В., Петров Н.В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 4–38. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М. От первой к третьей волне COVID-19: динамика тревожного поведения в крупных городах России (Москва и Ростов-на-Дону) // Этнографическое обозрение, 2023 (в печати).
- Крюкова Н.В., Адам Ю.И. Очуждение и очуждаемые в Рунете в первую «волну» пандемии COVID-19 // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 187–210.
- Макушева М., Нестик Т., Орлова Е., Фирсов А. Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19 // Сводка № 12. URL: <https://pltf.ru/wp-content/uploads/2020/05/svodka-12.pdf> (дата обращения: 26.05.2020).
- Макушева М., Орлова Е., Фирсов А., Шаикин А. Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19 // Сводка № 6. URL: <https://pltf.ru/2020/04/17/omi-i-platforma-socialnye-jeffekty-pandemii/> (дата обращения: 17.04.2020).
- Степанцов П., Вилейкис А. Коронавирус и общество. Как россияне реагируют на эпидемию // Нож. 2020. URL: <https://knife.media/corona-sociology-1/> (дата обращения: 01.04.2020).

- Феденюк Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 6–40. doi: 10.17223/2312461X/28/1
- Abuhammad S., Alzoubi K.H., Khabour O. Fear of COVID-19 and stigmatization towards infected people among Jordanian people // Int. J. Clin. Pract. 2021. Vol. 75, No. e13899.
- Arora A., Jha A.K., Alati P., Das S.S. Understanding coronaphobia // Asian J Psychiatr. 2020. Vol. 54, No. 102384.
- Asmundson G.J.G., Taylor S. Coronaphobia: Fear and the 2019-nCoV outbreak // Journal of Anxiety Disorders. 2020. Vol. 70, No. 102196. doi: 10.1016/j.janxdis.2020.102196
- Brailovskaia J., Margraf J., Schneider S. SocialMedia as Source of Information, Stress Symptoms, and Burden Caused by Coronavirus (COVID-19) // European Psychologist. 2022. Vol. 26 (4). P. 373–386. doi: 10.1027/1016-9040/a000452
- Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N. et al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // Lancet. 2020. Vol. 395. P. 912–920. doi: 10.1016/S0140-6736(20) 30460-8
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N. et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries // Sustainability. 2021. Vol. 13, No. 4017. doi: 10.3390/su13074017
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., Ahmadi K. et al. Factors Associated With Highest Symptoms of Anxiety During COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13, No. 805586. doi: 10.3389/fpsyg.2022.805586
- Chui A. Trump has no qualms about Calling Coronavirus the 'Chinese Virus'. That's a Dangerous Attitude, Experts Say // The Washington Post. Washington, D.C, 2020.
- Cornwall W. Officials gird for a war on vaccine misinformation // Science. 2020. Vol. 369. P. 14–15. doi: 10.1126/science.369.6499.14
- Crawford R. The Boundaries of the Self and the Unhealthy Other' Reflections on Health, Culture and AIDS // Social Science & Medicine. 1994. Vol. 38, No. 10. P. 1347–1365.
- Dai D. Three in four adults globally say they'd get a vaccine for COVID-19 – but is this enough? // WEF. 2020.
- Dryhurst S., Schneider C.R., Kerr J., Freeman A.L.J., Recchia G. et al. Risk perceptions of COVID-19 around the world // J. Risk Res. 2020. P. 1–13. doi: 10.1080/13669877.2020.1758193
- Dore B. Covid-19: Collateral damage of lockdown in India // BMJ. 2020. Vol. 369, No. m1711.
- Eichelberger L. SARS and New York's Chinatown: The Politics of Risk and Blame During an Epidemic of Fear // Social Science & Medicine. 2007. Vol. 65. P. 1284–1295.
- Feyissa G.T., Lockwood C., Woldie M., Munn Z. Reducing HIV-related stigma and discrimination in healthcare settings: A systematic review of quantitative evidence // PLoS One. 2019. Vol. 14, No. e0211298.
- Freeman D., Waite F., Rosebrock L., Petit A. Coronavirus Conspiracy Beliefs, Mistrust, and Compliance with Government Guidelines in England // Psychological Medicine. 2020. Vol. 52 (2). P. 251–263. doi: 10.1017/s0033291720001890
- Germani F., Biller-Andorno N. The Anti-Vaccination Infodemic on SocialMedia: A Behavioral Analysis // PLoS ONE. 2021. Vol. 16, No. 3. doi: 10.1371/journal.pone.0247642
- Han P.K., Zikmund-Fisher B.J., Duarte C.W., Knaus M., Black A. et al. Communication of scientific uncertainty about a novel pandemic health threat: ambiguity aversion and its mechanisms // J. Health Commun. 2018. Vol. 23. P. 435–444. doi: 10.1080/10810730.2018.1461961
- Hofstede G. Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. Online Read // Psychol. Cult. (ORPC). 2011. Vol. 2. P. 3–26.
- Joffe H. Risk and 'the Other'. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1999.
- Kar D., Bhardwaj M., Samanta S., Azad A.P. No rumours please! A multi-indic-lingual approach for covid fake-tweet detection // arXiv. 2010. No. 06906 (2020).

- Lazarus J.V., Ratzan S.C., Palayew A., Gostin L.O., Larson H.J., Rabin K. A global survey of potential acceptance of a COVID-19 vaccine // *Nature medicine*. 2020. Vol. 27. P. 225–228. doi: 10.1038/s41591-020-1124-9
- Lazarus J., Ratzan S., Palayew A. et al. A Global Survey of Potential Acceptance of a COVID-19 Vaccine // *Nature Medicine*. 2021. Vol. 27, No. 2. P. 225–228.
- Luo F., Ghanei Gheshlagh R., Dalvand S., Saedmoucheshi S., Li Q. Systematic Review and Meta-Analysis of Fear of COVID-19 // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12, No. 661078. doi: 10.3389/fpsyg.2021.661078
- McCauley M., Minsky S., Viswanath K. The H1N1 pandemic: media frames, stigmatization and coping // *BMC Public Health*. 2013. Vol. 13, No. 1116. doi: 10.1186/1471-2458-13-1116
- Monson S. Ebola as African: American media discourses of panic and otherization // *Afr. Today*. 2017. Vol. 63. P. 3–27. doi: 10.2979/africatoday.63.3.02
- Mækelæ M.J., Reggev N., Dutra N., Tamayo R.M., Silva-Sobrinho R.A. et al. Perceived efficacy of COVID-19 restrictions, reactions and their impact on mental health during the early phase of the outbreak in six countries // *R. Soc. Open Sci*. 2020. Vol. 7, No. 200644. doi: 10.1098/rsos.200644
- Nygren T., Guath M. Mixed Digital Messages: The Ability to Determine News Credibility among Swedish Teenagers // Sampson D.G., Ifenthaler D., Isaías P. (eds.) *Proceedings of the 15th International Conference on Cognition and Exploratory Learning in Digital Age (CELDA 2018)*. 2018. Vol. 15. P. 375–378.
- Omer S.B., Yildirim I., Forman H.P. Herd immunity and implications for SARS-CoV-2 control // *JAMA*. 2020. Vol. 324. P. 2095–2096.
- Patel M.P., Kute V.B., Agarwal S.K. COVID-19 Working Group of Indian Society of Nephrology. “Infodemic” COVID-19: More Pandemic than the Virus // *Indian J Nephrol*. 2020. Vol. 30 (3). P. 188–191. doi: 10.4103/ijn.IJN_216_20
- Patwa P. et al. Fighting an Infodemic: COVID-19 Fake News Dataset // Chakraborty T., Shu K., Bernard H.R., Liu H., Akhtar M.S. (eds) *Combating Online Hostile Posts in Regional Languages during Emergency Situation. CONSTRAINT 2021. Communications in Computer and Information Science*. Vol. 1402. Springer, Cham., 2021. doi: 10.1007/978-3-030-73696-5_3
- Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J.G., Rand D.G. Fighting COVID-19 misinformation on social media: Experimental evidence for a scalable accuracy-nudge intervention // *Psychological science*. 2020. Vol. 31 (7). P. 770–780.
- Person B., Sy F., Holton K., Govert B., Liang A. National Center for Infectious Diseases / SARS Community Outreach Team. Fear and stigma: The epidemic within the SARS outbreak // *Emerg Infect Dis*. 2004. Vol. 10. P. 358–363.
- Rémy V., Langeron N., Quilici S., Carroll S. The economic value of vaccination: why prevention is wealth // *J Mark Access Health Policy*. 2015. Vol. 3, No. 29284.
- Ren S.Y., Gao R.D., Chen Y.L. Fear can be more harmful than the severe acute respiratory syndrome coronavirus 2 in controlling the corona virus disease 2019 epidemic // *World J. Clin. Cases*. 2020. Vol. 8. P. 652–657. doi: 10.12998/wjcc.v8.i4.652
- Sahin F., Demir S. Virüsler, Viral Pandemileri Etkileyen Faktörler ve Sonuçları // Muzaffer S. eker, Ali Özer ve Cem Korkut Türkiye Bilimler Akademisi. 2020. P. 55–76.
- Shahi G., Nandini D. Fakecovid – a multilingual cross-domain factcheck news dataset for COVID-19 // *ArXiv*. June 2020. doi: 10.48550/arXiv.2006.11343
- Shigemura J., Ursano R.J., Morganstein J.C., Kurosawa M., Benedek D.M. Public responses to the novel 2019 Coronavirus (2019-nCoV) in Japan: Mental health consequences and target populations // *Psychiatry Clin Neurosci*. 2020. Vol. 74 (4). P. 281–282.
- Sorokowski P., Groyecka A., Kowal M., Sorokowska A., Bialek M., et al. Can information about pandemics increase negative attitudes toward foreign groups? a case of COVID-19 outbreak // *Sustainability*. 2020. Vol. 12, No. 4912. doi: 10.3390/su12124912

- Taylor S. The psychology of pandemics: Preparing for the next global outbreak of infectious disease. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019.
- Taylor S., Asmundson G.J.G. Treating health anxiety: A cognitive-behavioral approach. New York: Guilford, 2004.
- The Lancet. COVID-19: Fighting panic with information. 2020. Vol. 395, No. 537.
- Turan G.B., Aksoy M., Özer Z., Demir C. The association between coronaphobia and attitude towards COVID-19 Vaccine: A sample in the east of Turkey // *L'encephale*. 2022. Vol. 1; 48 (1). P. 38–42.
- Usher K., Durkin J., Bhullar N. The COVID-19 pandemic and mental health impacts // *Int. J. Ment. Health Nurs*. 2020. Vol. 29, No. 315. doi: 10.1111/inm.12726
- Van Bavel J.J., Baicker K., Boggio P.S., Capraro V., Cichocka A. et al. Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response // *Nature Human Behavior*. 2020. Vol. 4. P. 460–471. doi: 10.1038/s41562-020-0884-z
- Vijali R., Potluri P., Kumar S., Sundeeep T. Two stage transformer model for COVID-19 fake news detection and fact checking // *Proceedings of the Workshop on NLP for Internet Freedom*. 2020.
- Zarocostas J. How to fight an infodemic // *Lancet*. 2020. Vol. 395, No. 676.

References

- Arkhipova A.S. (2021) Beregis' pokemonov: simvolicheskoe soprotivlenie novej meditsinskoj real'nosti v rossijskikh sotsial'nykh setiakh [Beware of Pokémon: Symbolic Resistance to the New Medical Reality on Russian Social Media], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 06(140), pp. 97–125.
- Arkhipova A.S., Radchenko D.A., Kozlova I.V., Peigin B.S., Gavriloja M.V., Petrov N.V. (2020) Puti rossijskoj infodemii: ot WhatsApp do Sledstvennogo komiteta [Specifics of Infodemic in Russia: From Whatsapp to the Investigative Committee], *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 4–38. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.
- Burkova V.N., Butovskaia M.L., Ermakov A.M. (2023) Ot pervoi k tre'tei volne COVID-19: dinamika trevozhnogo povedeniia v krupnykh gorodakh Rossii (Moskva i Rostov-na-Donu) [From the first to the third wave of COVID-19: dynamics of anxious behavior in large Russian cities (Moscow and Rostov-on-Don)], *Etnograficheskoe obozrenie* (in print).
- Kriukova N.V., Adam Iu.I. (2022) Ochuzhdenie i ochuzhdaemye v Runete v pervuiu «volnu» pandemii COVID-19 [Othering in Runet in the First Wave of the COVID-19 Pandemic], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 187–210.
- Makusheva M., Nestik T., Orlova E., Firsov A. (2020) Issledovanie sotsial'nykh effektiv pandemii COVID-19 [Study on the social effects of the COVID-19 pandemic], *Svodka № 12*. Available at: <https://pltf.ru/wp-content/uploads/2020/05/svodka-12.pdf> (accessed 26 May 2020).
- Makusheva M., Orlova E., Firsov A., Shashkin A. (2020) Issledovanie sotsial'nykh effektiv pandemii COVID-19 [Study on the social effects of the COVID-19 pandemic] *Svodka № 6*. Available at: <https://pltf.ru/2020/04/17/omi-i-platforma-socialnye-jeffekty-pandemii/> (accessed 17 April 2020).
- Stepantsov P., Vileikis A. (2020) Koronavirus i obshchestvo. Kak rossiiane reagiruiut na epidemiui [Coronavirus and the society. How Russian citizens react to the pandemic], *Knife.Media*. Available at: <https://knife.media/corona-sociology-1/> (accessed 01 April 2020).
- Fedenok Iu.N., Burkova V.N. (2020) Sotsial'noe distantsirovanie kak al'truizm v usloviakh pandemii koronavirusa: kross-kul'turnoe issledovanie [Social Distancing as Altruism in The Context of The Coronavirus Pandemic: A Cross-Cultural Study], *Sibirskie Istoriches-*

- kie *Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 6-40. DOI: 10.17223/2312461X/28/1
- Abuhammad S., Alzoubi K. H., Khabour O. (2021) Fear of COVID-19 and stigmatization towards infected people among Jordanian people, *Int. J. Clin. Pract.* Vol. 75. No e13899.
- Arora A., Jha A.K., Alat P., Das S.S. (2020) Understanding coronaphobia, *Asian J Psychiatr.* Vol. 54. No. 102384.
- Asmundson G.J.G., Taylor S. (2020) Coronaphobia: Fear and the 2019-nCoV outbreak, *Journal of Anxiety Disorders*. Vol. 70. No. 102196. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102196>.
- Brailovskaia J., Margraf J., Schneider S. (2022) Social Media as Source of Information, Stress Symptoms, and Burden Caused by Coronavirus (COVID-19), *European Psychologist*. Vol. 26 (4). Pp. 373–386. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000452>.
- Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., et al. (2020) The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence, *Lancet*. Vol. 395. Pp. 912–920. doi: 10.1016/S0140-6736(20) 30460- 8
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., et al. (2021) Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries, *Sustainability*. Vol. 13. No. 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., Ahmadi K. et al. (2022) Factors Associated With Highest Symptoms of Anxiety During COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries, *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. No. 805586. doi: 10.3389/fpsyg.2022.805586.
- Chui A. (2020) Trump has no Qualms about Calling Coronavirus the 'Chinese Virus'. That's a Dangerous Attitude, Experts Say, *The Washington Post*. Washington, D.C.
- Cornwall W. (2020) Officials gird for a war on vaccine misinformation, *Science*. Vol. 369. Pp. 14–15. doi: 10.1126/science.369.6499.14.
- Crawford R. (1994) The Boundaries of the Self and the Unhealthy Other'' Reflections on Health, Culture and AIDS, *Social Science & Medicine*. Vol. 38. No. 10. Pp. 1347–1365.
- Dai D. (2020) Three in four adults globally say they'd get a vaccine for COVID-19 – but is this enough? *WEF*.
- Dryhurst S., Schneider C. R., Kerr J., Freeman A. L. J., Recchia G., et al. (2020) Risk perceptions of COVID-19 around the world, *J. Risk Res.* Pp. 1–13. doi: 10.1080/13669877.2020.1758193
- Dore B. (2020) Covid-19: Collateral damage of lockdown in India, *BMJ*. Vol. 369. No. m1711.
- Eichelberger L. (2007) SARS and New York's Chinatown: The Politics of Risk and Blame During an Epidemic of Fear, *Social Science & Medicine*. Vol. 65. Pp. 1284–1295.
- Feyissa G.T., Lockwood C., Woldie M., Munn Z. (2019) Reducing HIV-related stigma and discrimination in healthcare settings: A systematic review of quantitative evidence, *PLoS One*. Vol. 14. No. e0211298.
- Freeman D., Waite F., Rosebrock L., Petit A. (2020) Coronavirus Conspiracy Beliefs, Mistrust, and Compliance with Government Guidelines in England, *Psychological Medicine*. Vol. 52 (2). Pp. 251–263. <https://doi.org/10.1017/s0033291720001890>.
- Germani F., Biller-Andorno N. (2021) The Anti-Vaccination Infodemic on SocialMedia: A Behavioral Analysis, *PLoS One*. Vol. 16. No. 3. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247642>.
- Han P.K., Zikmund-Fisher B.J., Duarte C.W., Knaus M., Black A., et al. (2018) Communication of scientific uncertainty about a novel pandemic health threat: ambiguity aversion and its mechanisms, *J. Health Commun.* Vol. 23. Pp. 435–444. doi: 10.1080/10810730.2018.1461961
- Hofstede G. (2011) Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. Online Read, *Psychol. Cult. (ORPC)*. Vol. 2. Pp. 3–26.
- Joffe H. (1999) Risk and 'the Other'. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press.

- Kar D., Bhardwaj M., Samanta S., Azad A.P. (2020) No rumours please! A multi-lingual approach for covid fake-tweet detection, *arXiv*: 2010. No. 06906
- Lazarus J.V., Ratzan S.C., Palayew A., Gostin L.O., Larson H.J., Rabin K. (2020) A global survey of potential acceptance of a COVID-19 vaccine, *Nature medicine*. Vol. 27. Pp. 225–228. <https://doi.org/10.1038/s41591-020-1124-9>
- Lazarus J., Ratzan S., Palayew A. et al. (2021) A Global Survey of Potential Acceptance of a COVID-19 Vaccine, *Nature Medicine*. Vol. 27. No. 2. P. 225–228.
- Luo F., Ghanei Gheshlagh R., Dalvand S., Saedmoucheshi S., Li Q. (2021) Systematic Review and Meta-Analysis of Fear of COVID-19, *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. No 661078. doi: 10.3389/fpsyg.2021.661078
- McCauley M., Minsky S., Viswanath K. (2013) The H1N1 pandemic: media frames, stigmatization and coping, *BMC Public Health*. Vol.13. No. 1116. doi: 10.1186/1471-2458-13-1116
- Monson S. (2017) Ebola as African: American media discourses of panic and otherization, *Afr. Today*. Vol. 63. Pp. 3–27. doi: 10.2979/africatoday.63.3.02
- Mækela M. J., Reggev N., Dutra N., Tamayo R.M., Silva-Sobrinho R.A., et al. (2020) Perceived efficacy of COVID-19 restrictions, reactions and their impact on mental health during the early phase of the outbreak in six countries, *R. Soc. Open Sci.* Vol. 7. No 200644. doi: 10.1098/rsos.200644
- Nygren T., Guath M. (2018) Mixed Digital Messages: The Ability to Determine News Credibility among Swedish Teenagers. In: Sampson D. G., Ifenthaler D., Isaías P. (eds.) *Proceedings of the 15th International Conference on Cognition and Exploratory Learning in Digital Age (CELDA 2018)*. Vol. 15. P. 375–378.
- Omer S.B., Yildirim I., Forman H.P. (2020) Herd immunity and implications for SARS-CoV-2 control, *JAMA*. Vol. 324. Pp. 2095–2096.
- Patel M.P., Kute V.B., Agarwal S.K. (2020) COVID-19 Working Group of Indian Society of Nephrology. “Infodemic” COVID-19: More Pandemic than the Virus, *Indian J Nephrol*. Vol. 30 (3). Pp. 188–191. doi: 10.4103/ijn.IJN_216_20.
- Patwa P. et al. (2021) Fighting an Infodemic: COVID-19 Fake News Dataset. In: Chakraborty T., Shu K., Bernard H.R., Liu H., Akhtar M.S. (eds) *Combating Online Hostile Posts in Regional Languages during Emergency Situation. CONSTRAINT 2021. Communications in Computer and Information Science*. Vol. 1402. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73696-5_3.
- Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J.G., Rand D.G. (2020) Fighting COVID-19 misinformation on social media: Experimental evidence for a scalable accuracy-nudge intervention, *Psychological science*. Vol. 31 (7). Pp. 770–780.
- Person B., Sy F., Holton K., Govert B., Liang A. National Center for Infectious Diseases / SARS Community Outreach Team. (2004) Fear and stigma: The epidemic within the SARS outbreak, *Emerg Infect Dis*. Vol. 10. Pp. 358–363.
- Rémy V., Langeron N., Quilici S., Carroll S. (2015) The economic value of vaccination: why prevention is wealth, *J Mark Access Health Policy*. Vol. 3. No. 29284.
- Ren S.Y., Gao R.D., Chen Y.L. (2020) Fear can be more harmful than the severe acute respiratory syndrome coronavirus 2 in controlling the corona virus disease 2019 epidemic, *World J. Clin. Cases*. Vol. 8. Pp. 652–657. doi: 10.12998/wjcc.v8.i4.652
- Sahin F., Demir S. (2020) Virüsler, Viral Pandemileri Etkileyen Faktörler ve Sonuçları, In: *Muzafer S eker, Ali Özer ve Cem Korkut Türkiye Bilimler Akademisi*. Pp. 55–76.
- Shahi G., Nandini D. (2020) Fakecovid — a multilingual cross-domain factcheck news dataset for COVID-19, *ArXiv*, June 2020. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2006.11343>.
- Shigemura J., Ursano R.J., Morganstein J.C., Kurosawa M., Benedek D.M. (2020) Public responses to the novel 2019 Coronavirus (2019-nCoV) in Japan: Mental health consequences and target populations, *Psychiatry Clin Neurosci*. Vol. 74(4). Pp. 281–282.
- Sorokowski P., Groyecka A., Kowal M., Sorokowska A., Bialek M., et al. (2020) Can information about pandemics increase negative attitudes toward foreign groups? a case of COVID-19 outbreak, *Sustainability*. Vol. 12. No. 4912. doi: 10.3390/su12124912

- Taylor S. (2019) *The psychology of pandemics: Preparing for the next global outbreak of infectious disease*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Taylor S., Asmundson G.J.G. (2004) *Treating health anxiety: A cognitive-behavioral approach*. New York: Guilford.
- The Lancet (2020) *COVID-19: Fighting panic with information*. 2020. Vol. 395. No. 537.
- Turan G.B., Aksoy M., Özer Z., Demir C. (2022) The association between coronaphobia and attitude towards COVID-19 Vaccine: A sample in the east of Turkey, *L'encephale*. Vol. 1;48 (1). Pp. 38–42.
- Usher K., Durkin J., Bhullar N. (2020) The COVID-19 pandemic and mental health impacts, *Int. J. Ment. Health Nurs*. Vol. 29. No. 315. doi: 10.1111/inm.12726
- van Bavel J.J., Baicker K., Boggio P.S., Capraro V., Cichocka A. et al. (2020) Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response, *Nature Human Behaviour*. Vol. 4. Pp. 460–471. doi: 10.1038/s41562-020-0884-z.
- Vijjali R., Potluri P., Kumar S., Sundeep T. (2020) Two stage transformer model for COVID-19 fake news detection and fact checking. In: *Proceedings of the Workshop on NLP for Internet Freedom*.
- Zarocostas J. (2020) How to fight an infodemic, *Lancet*. Vol. 395. No. 676.

Сведения об авторе:

БУРКОВА Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); старший научный сотрудник, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: burkovav@gmail.com

Бутовская Марина Львовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Заведующая Центром кросс-культурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) (Москва, Россия); главный научный сотрудник, профессор Международного центра антропологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва, Россия). E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Valentina N. Burkova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation). E-mail: burkovav@gmail.com

Marina L. Butovskaya, Corresponding Member RAS, Dr.Habil. (history), Head of the Center of Cross-cultural Psychology and Human Ethology, Institute of Ethnology and Anthropology (IEA RAS) (Moscow, Russian Federation); Main Research Scientist, Professor International Centre of Anthropology, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 17 ноября 2022 г.;
принята к публикации 12 марта 2023 г.*

*The article was submitted 17.11.2022;
accepted for publication 12.03.2023.*